

УДК 81-112.2

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА 'СОВЕСТЬ' В ПРОЗЕ В.Г. РАСПУТИНА

© 2013 г.

Н.Н. Лаврова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sovrusyaz _ nngu @ mail.ru

Поступила в редакцию 03.12.2013

Доказывается, что в текстах повестей В.Г. Распутина особое место занимает концепт 'совесть'; выявляется ряд слов, в лексическом значении которых реализуется этот концепт.

Ключевые слова: концепт, семантическое поле, мировосприятие Распутина.

Одним из главных элементов языковой картины мира, как известно, является концепт – «единица человеческого знания о мире, стоящая за семантикой языкового знака» [1, с. 161]. Для русского национального сознания характерна особая значимость концепта 'совесть'. Историки языка отмечали, что соответствующая лексема является калькой с греческого слова, переведённого как 'совместное знание'. Проф. В.В. Колесов считает, что в этом слове отражено «соотношение между головой и сердцем»; «разум и дух сошлись в одном слове» [2, с. 110], чтобы человек мог отличить *доброе* от *злого*. Совесть – это внутренний контроль «над своими поступками с позиции отстранённо извне» [3, с. 114].

Показательно толкование значения лексемы «совесть» в словаре В.И. Даля: это «нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла <...>; прирождённая правда» [4, т. 4].

Проблема «нравственного сознания» всегда была центральной в отечественной художественной прозе. В XIX веке едва ли не самые горькие строки о нравственности общества написал М.Е. Салтыков-Щедрин. В сказке «Пропала совесть» он показал, насколько легче, «бодрее и свободнее» становится жить тем, кто избавился от такого внутреннего контролёра: «ловчее стало подставлять ближнему ногу, удобнее лстить, пресмыкаться, наушничать и клеветать» [5, с. 472].

Напротив, подброшенная владельцу питейного заведения совесть едва не разоряет торговца, внушив ему, что нельзя спаивать и тем самым губить людей, нельзя их обчитывать.

Квартальный надзиратель Ловец, которому совесть подложили в карман пальто, вдруг теряет интерес к взятке, проявляет милосердие к нищему, а это приносит ему материальные убытки. Но общество, в котором совесть становится изгоем, нежизнеспособно. И эту простую истину стараются донести до читателя многие современные писатели. Среди них особое место занимает В.Г. Распутин.

В.Г. Распутин в советские атеистические времена трактовал понятие 'совесть' в духе христианских заповедей. Соответственно в его произведениях носителями «внутреннего сознания добра и зла» являются глубоко верующие люди. Что такое «жить по совести», объясняет старуха Дарья, одна из героинь повести «Прощание с Матёрой»: с человека совестливо-го «последнюю рубаху сымают, а он её скинет да ишо спасибо скажет, что раздели» [6, с. 216]. По сути, это своеобразное цитирование и толкование Нагорной проповеди: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» [от Матфея, гл. 5:40]. Для Дарьи, как и для других любимых героинь В. Распутина, *совесть* предполагает *безотказность* в работе и *бескорыстие*, готовность служить доброду делу, не ожидая вознаграждения. Таким был «сват Иван», о котором вспоминает Дарья, – «печник любо-дорого на весь белый свет». Мастер был «безотказный, шёл, кто ни попросит, а за работу стеснялся брать, задарма, почитай, и делал» [6, с. 216]. Таковы любимые героини В.Г. Распутина: сама Дарья, Анна («Последний срок»), которые заботились о близких, крутились, «будто белка в колесе.., считая, что так и надо» [6, с. 42], и не требуя ничего взамен. Совесть спокойна тогда, когда человек трудится не только для себя, но и для других, потому что не может «жить без того, чтобы в нём нуждались» [6, с. 330]. Дарья

уверена: человек «должен жить, покуль польза от него есть. Нету пользы – слезай, приехали. На што <...> других маять?» [6, с. 267].

Именно сознание того, что из-за неё «без пользы маются» приехавшие проститься с ней взрослые дети, у которых много своих дел, тревожит умирающую Анну. Она жалобно просит сына Илью, дочерей Варвару и Людмилу: «Вы покуль не уезжайте от меня, побудьте со мной маненько. Таньчора приедет – я не буду вас задерживать. Я знаю: вам долго, подимте, нельзя<...> Я не стану вам надоедать, я тихонько. Лежу и лежу» [6, с. 47]. И когда Анна поняла, что младшая дочь к ней не приедет, она, «не откладывая, решила умереть», чтобы городским детям «в другой раз не возвращаться к этой заботе» – к похоронам матери [6, с. 154]. Она «ослабила дыхание, смирила расхолодившуюся грудь», но жизнь продолжала теплиться в исхудавшем теле, и Анну «охватил **стыд** [здесь и далее выделено мной – Н.Л.]. Другого такого позора она не знала: распрощалась, сказала последние слова <...> – и обратно» [6, с. 170]. На минуту Анне становится грустно оттого, что её не станет, а вокруг всё останется таким же, как будто и не жила она на земле. Но умирающая «тут же **пристыдила** себя: хороша бы она была, если бы хотела, чтобы всё на свете старело и умирало вместе с ней» [6, с. 165].

Стыд — постоянный спутник *совести*. В.И. Даль даёт истинно народное толкование этого чувства: «Студь, стыдь» — это «внутреннее сознание предосудительного», «самоосуждение», «внутренняя исповедь перед совестью». Соответственно в лексическом значении слова «совесть» заложена сема 'самоосуждение'. В повестях «Последний срок» и «Прощание с Матерой» слова «стыд», «(при)стыдиться» повторяются часто, причем в речи духовно близких писателю героев.

Стыд и чувство собственной вины испытывают те персонажи повестей, которые действуют вопреки голосу совести. Прежде всего это жертвы «зелёного змия», осознающие, какую боль они причиняют своим близким. На протяжении всей повести «Последний срок» сыновья Анны пьют водку то по случаю своей встречи, то по иному поводу, прекрасно зная, как это неприятно их матери. Анна признается дочерям: когда Михаил «пьяный напьётся — ой, никакого житья нету <...> Я его, пьяного, бояться стала» [6, с. 53]. Одурманенный водкой, сын начинает укорять старуху-мать в том, что он её кормит. Он посылает малолетнюю дочь Нинку тайком поискать в доме очередную бутылку и закуску, приучая её тем самым к обма-

ну. И вот уже Нинка слышит, как Надя (мать девочки) ищет в избе пропажу, однако не испытывает никакого стыда: «Нинка спокойно помалкивала и чистыми, *невинными* глазёнками посматривала на мужиков», т.е. на отца и своего дядю Илью, «с которыми она чувствовала себя в полной безопасности» [6, с. 78]. Подвыпивший Михаил понимает, что «виноват кругом»: с женой поругался, «последние деньги спустил, на работе прогулов наделал, по деревне ходил попрошайничал — стыдно, глаз не поднять» [6, с. 74]. Но тут же пытается обосновать свою потребность в «зелёе»: «Ничего впереди нету, сплошь одно и то же. Сколько верёвок нас держит и на работе и дома <...>, столько ты должен был сделать и не сделал, всё должен, должен <...> А как выпил — как на волю попал, освобождение наступило, и ты уж ни холеры не должен» (там же).

Человек, не ведающий стыда, может спалить собственную избу ради получения материальной компенсации. Так поступает житель Матёры Петруха, не привыкший работать, но охотно взявшийся за «очищение» от домов той земли, на которой родился и которая была приговорена к затоплению. Ему глубоко безразличны страдания его матери Катерины, сознающей, что её сын «ни для чего не годится – ни для совести, ни для стыда» [6, с. 326]. Он не видит, с какими «суровыми и скорбными лицами» старожилы смотрят на разрушительную силу огня, понимая, что скоро «то же самое будет и с их избами», а потому каждый старался, «никого не замечая, оставаться один – легче затем освободиться от стыда» [6, с. 251]. Петрухе такое чувство неведомо.

Нет ни стыда ни совести у тех, кто, готовя Матёру к затоплению, «грабит мёртвых»: спиливает памятники и могильные ограды, рубит кресты на могилах за несколько месяцев до того, как жители покинут деревню. Не случайно деревенские женщины кричат осквернителям могил: «Для вас святого места на земле не осталось! Ироды!» [6, с. 202].

Связь *совести* и *стыда* издавна осознавалась «в рамках противопоставления внутреннего и внешнего» [7, с. 244]. Т.Б. Радбиль пишет: «*Стыд* ориентирован наружу: *стыдно* всегда перед другими», в то время как «*совестно* всегда перед собой» [7, с. 244–245]. Различие *совести* и *стыда* прекрасно чувствовал В.Г. Распутин. В повести «Деньги для Марии» есть видение героини – эпизод-притча: односельчане решили выручить попавшую в беду Марию, собрать для неё деньги. Прилюдно никто не отказался внести свою «лепту», потому что

стыдно было оказаться жадным. Но когда собранных денег оказалось больше, чем требовалось, «жертвователям» было предложено по одному зайти в помещение, где находятся пожертвования, чтобы без свидетелей взять свою долю лишних денег. Действуя без свидетелей, односельчане разобрали всё то, что предназначалось Марии. Их совесть при этом молчала.

У человека, имеющего совесть, *душа* болит, если он видит зло, несправедливость. В повести «Прощание с Матёрой» Дарья объясняет своему внуку, почему ей жалко человека: он стал «непамятлив» и «разорён душой» [6, с. 316]. А «душу свою потратив», он вообразил, что душа и не существует вовсе, потому что «пощупать её нельзя» [6, с. 302]. Тот, кто «вытравил» свою душу, на что угодно пойдёт. Он такую жизнь устроил, что она с людей «страшные подати берёт»: то «Матёру ей подавай», то «ишо сильней того затребует» – и «опеть давай» (там же). *Душа* как «духовные качества человека» – это и есть «совесть» (такое толкование находим в словаре В.И. Даля).

Спецификой мировосприятия В.Г. Распутина является то, что мерилем совести он избирает отношение человека к земле. Издревле на Руси земля воспринималась как «матушка-кормилица». Следуя традиции, писатель показывает оскудение нравственного сознания у тех людей, которые выросли в деревне, но, перебравшись в город, равнодушно смотрят на заросшие бурьяном поля, на «заброшенную, запущенную землю» [6, с. 92]. В этом плане показательное поведение «городской» дочери старухи – Людмилы («Люси»), приехавшей в деревню, чтобы проводить мать в последний путь. Решив прогуляться в окрестностях деревни, Людмила вышла в поле и увидела давно не паханную, заброшенную, окаменевшую землю. В какую-то минуту женщину кольнуло чувство вины: в годы войны земля-кормилица не дала умереть от голода Людмиле и её близким. Людмиле вдруг показалось, будто погибающая земля «помнит её» и «ждет от неё какого-то решения». Но чувство вины, порожденное совестью, быстро проходит: «Ну что за чепуха! <...> Я здесь совсем ни при чём. Я уехала раньше, за долго до всех этих перемен, я здесь человек посторонний» [6, с. 92].

Не чувствует Людмила своей вины и перед матерью, которой она редко писала и которую ещё реже навещала. На замечание Варвары и Михаила («Давно не была!») Людмила отвечает: «Не могла, вот и не приезжала <...> С моим здоровьем, если в отпуске не подлечиться, потом весь год будешь по больницам бегать» [6,

с. 15]. Не считаясь с тяжёлым состоянием матери, Людмила затевает ссору с братом, а на просьбу Анны помириться с Михаилом, чтобы на душе у Анны было спокойно перед смертью, следует резкая отповедь: «Не надоело тебе об этом, мама? Уже почти здоровый, нормальный человек, <...> а всё о том же» [6, с. 178]. Когда Анна осмелилась упрекнуть своих взрослых детей в том, что они скрывают от неё, по какой причине не приехала их младшая сестра Таньчора, Людмила прикрикнула на мать так, что «она испуганно умолкла, и её открытый рот задрожал» [6, с. 147]. В присутствии городской дочери Анна чувствует себя ненужной: она «стыдилась себя, что она такая старая и слабая», «ей казалось, что и дочь тоже должна стыдиться её» [6, с. 42]. Несмотря на мольбы матери задержаться в деревне еще на сутки, Людмила решительно заявляет, что ей надо возвращаться в город, и своим поведением дает пример Илье и Варваре, не дождавшимся кончины матери.

Антиподом Людмилы является Павел, сын Дарьи, постоянно заботящийся о матери и с болью наблюдающий, как угасает не только её жизнь, но и жизнь родной земли – Матёры: «<...> вспоминая, какая будет затоплена земля – самая лучшая, <...> вскормившая не одно поколение, недоверчиво и тревожно замирало сердце: а не слишком ли дорогая цена?» [6, с. 258]. Совесть не позволяет Павлу жить сиюминутными интересами, не думая о последствиях того, что творишь: «<...> как признать то, что сотворили с посёлком?<...>

Сколько, выгадывая на один день, потеряли наперёд <...>? Можно, конечно, и не задаваться этими вопросами, а жить как живётся и плыть как плывётся», но на то и создан человек, чтобы «самому докапываться до истины» (там же). В этих словах Павла выражено то чувство ответственности за свои поступки, за судьбу близких, за будущее родной земли, которого недостаёт детям старухи Анны.

Совесть побуждает человека быть *справедливым*, т.е. действовать «по правде, по совести, по правоте» [4]. В частности, прежде чем заподозрить человека в дурном поступке, надо правильно оценить ситуацию, в которой он оказался, и не спешить с выводами. В связи с этим выразительны два эпизода из повестей «Последний срок» и «Живи и помни», где характер пожилой женщины раскрывается в её отношении к снохе. Когда дочь Анны Людмила обнаруживает, что мать спит не на белой простыне, то начинает упрекать жену брата Надю в плохом уходе за больной старухой. Но Анна тут же

вступает за сноху, объясняя, что сама не привыкла к «новой моде – белое под себя подстилать» [6, с. 52], и напоминает, что Надя всю домашнюю работу на себе везёт. Анна обвиняет себя: «За мной ходить тоже ить терпение иметь надо <...> пожили бы со мной. Это ить чистое наказание – рази я не понимаю?» [6, с. 54]. В повести «Живи и помни» мать дезертира Андрея, увидев, что Настена ждет ребёнка, оскорбляет сноху самыми грязными словами и выгоняет её из дома, хотя односельчане Гуськовых, хорошо знающие Настёну, быстро догадываются, что отец будущего ребёнка – Андрей.

Совесь требует от человека честности, *правдивости*. Но писатель понимает, что иногда человеку приходится лгать, чтобы не причинить боль другому или даже спасти его. Обманывает умирающую Анну частично «пропивший совесть» Михаил. Видя, как переживает мать, что к ней не приехала младшая дочь, он говорит: «Я ей телеграмму отбил, чтоб не приезжала <...>. Тебе лучше стало, думаю, что она зря придет, будет тратиться» [6, с. 148–149]. Анна выливает всю свою обиду на Михаила, но зато перестаёт думать о том, что с Таньчорой случилась какая-то беда. На душе становится спокойно.

Гораздо тяжелее та ложь, к которой вынуждена прибегать Настёна, укрывая мужа-дезертира. Она поступает так не потому, что боится его угроз: «Ни одна собака не должна знать, что я здесь. Скажешь кому – убью» [6, с. 400]. Совесть подсказывает Настёне, что если Бог соединил её с Андреем, то «держаться им вместе, что бы ни случилось, какая бы беда ни стряслась». Велика вина мужа, «так что ж теперь – отступиться от него?» Настёне кажется, что «она тоже повинна в том, что он здесь, – без вины, а повинна», потому что больше всего Андрея «потянуло домой» желание увидеться с женой [6, с. 438]. И Настёна говорит Андрею: «Раз ты виноват, то и я виноватая <...> Когда всё хорошо, легко быть вместе <...> Надо быть вместе, когда плохо, – вот для чего люди сходятся» [6, с. 489]. Для Настёны совесть – это *ответственность* человека, т.е. готовность понести *наказание* не только за собственные поступки, но и за поступки близкого человека. И если Настёна винит себя в том, в чем она не повинна, то Андрей ищет себе всяческие оправдания. Он не желает думать о том, какой позор навлёт на родителей, на какие страдания обрекает Настёну и будущего ребёнка, его совесть молчит: «Это всё война, всё она, – снова принимался он оправдываться и заклинять, –

<...> Где было взяться мочи, чтобы выносить её дальше? Сколько мог, я дюжил». Андрей убеждён, что он всё-таки «принёс свою пользу» [6, с. 516]. В отличие от Андрея, Настёна тревожится о судьбе свёкра Михеича, страдает от мысли, что её ребёнок «родится на стыд, с которым не разлучаться ему всю жизнь» [6, с. 598]. В последний раз переправляясь через реку, Настёна думает: «Стыдно... почему так истошно стыдно и перед Андреем, и перед людьми, и перед собой? Где набрала она вины для такого стыда? <...> Стыдно... всякий ли понимает, как стыдно жить, когда другой на твоём месте сумел бы прожить лучше?» [6, с. 605].

Жизнь не по совести, в понимании писателя и его любимых героинь, – это *грех* (т.е. нечто совершённое против совести, отягощающее чувство вины), это постоянный *страх*, что откроется постыдная правда. Грех Настёны в том, что она не отозвалась на мольбу отца Андрея: «Христом-Богом молю: сведи [к Андрею]. Надо заворотить его, покуль он совсем не испоганился» [6, с. 592]. Настёну раздражает противоречие: или сдержать своё обещание Андрею (никому не говорить о его возвращении), или уступить просьбе свёкра, чью правоту она чувствует всем сердцем. Солгав свекру, Настёна упускает последний шанс спасти свою семью от бесчестья. И старик Гуськов бросает невестке справедливый упрёк: «А грех этот на тебе, никуда тебе от его не деться» [6, с. 603]. Этот грех и толкает Настёну в воды Ангары. Решаясь совершить новый грех – самоубийство, Настёна думает о том, что больше ей не надо будет ни бояться, ни стыдиться: «Вот оно наконец, желанное, заработанное мучениями счастье» [6, с. 605]. Итак, для честного человека жить по совести – это *счастье*, поступать против совести – это не только *стыд*, но и нравственные страдания, ведущие к физической гибели.

Характерна художественная деталь: к мужу Настёна ездит глухой ночью, и «крутая, злоеющая» ночная тьма становится символом того преступления, которое совершил Андрей и которое пытается скрыть Настёна. Но в тот момент, когда Настена, опрокидывая лодку, вглядывается в глубину Ангары, она видит огоньки отражающихся в воде звёзд, слышит чистый и ласковый плеск, в котором звенят тысячи колокольчиков, а на дне реки ей чудится свет от вспыхнувшей спички. Таким слабым светом становятся сочувствие и *жалость*, которую проявляют к погибшей Настене ранее осуждавшие её односельчанки. Вопреки обычаю, они хоронят самоубийцу на кладбище, хотя и в

стороне от могил своих близких. И в этом поступке, возможно, заложено ещё одно проявление совести – *раскаянье* женщин в том, что они нарушили заповедь: «Не судите других, да не судимы будете».

Итак, анализ четырёх повестей В.Г. Распутина («Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Деньги для Марии») показывает, что концепт 'совесть' является ключевым в прозе писателя. Концепт реализуется не только в соответствующей лексеме, но и в лексико-семантическом поле, включающем лексемы: *безотказность* (в работе, в помощи ближнему), *бескорыстие*, *вина*, *грех*, *долг* (ответственность), *душа*, *жалость*, *правдивость*, *справедливость*, *стыд*. Спецификой мировоззрения писателя является то, что совесть человека определяется его отношением не только к людям, но и к земле – матери-кормилице, которую современники писателя опустошают, губят ради кратковременной вы-

годы. Такая жизненная позиция В.Г. Распутина делает его прозу остро актуальной.

Список литературы

1. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
2. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове: в 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. 480 с.
3. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Избранные сочинения. ГИХЛ. М.-Л., 1947. 472 с.
6. Распутин В.Г. Уроки французского: Повести. Рассказ. М.: Эксмо, 2005. 216 с.
7. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.

VERBALIZATION OF THE CONCEPT 'CONSCIENCE' IN PROSE BY V.G. RASPUTIN

N.N. Lavrova

The concept of "conscience" occupies a prominent position in the stories of V. Rasputin. The lexical-semantic field in which this concept is realized is studied.

Keywords: concept, semantic field, V. Rasputin's mentality.